

Тем не менее, особенности функционирования календарно-обрядового фольклора восточных славян в XX в., упомянутые выше, на сегодняшний день обнаружили устойчивую тенденцию его дальнейшего, трансформированного существования в пределах фиксации материалов на различных носителях хранения информации. Это позволяет использовать прошлый календарно-обрядовый фольклорно-художественный опыт с целью ознакомления молодого поколения с истоками мышления наших предков, воспитания у них уважения к земле и любви к матери-природе. Во многом все названное уже реализуется на базе детских кружков по народному творчеству, в организации специальных мероприятий, приуроченных к праздникам годового круга, проводимых в деревнях и особенно в городах, где связь с сельскохозяйственными обрядами была утрачена очень быстро по причине неактуальности еще во второй половине XIX в.

Записи последних 15 лет указывают на прочное переосмысление носителями фольклора былого смысла обрядов и связанных с ними песен, трансформацию целых календарно-обрядовых комплексов, что касается контаминирования сюжетов песен, исчезновения или дополнения отдельных звеньев обрядов, частичная или абсолютная невозможность узнать о значении тех или иных действий (данный вывод сделан на основе изучения материалов Регионального фольклорного архива Белорусского государственного университета, содержащего записи со всех областей Беларуси, а также архивных записей фольклора других народов мира этого же архива, в частности русского и украинского, зафиксированного студентами не только на пограничных с Беларусью территориях, и в российской и украинской «глубинке»).

Понятно, что с исчезновением необходимых для былого функционирования календарно-обрядового фольклора условий его дальнейшее развитие в традиционном понимании невозможно. Единственная возможность не потерять это особое явление культурного наследия восточнославянских народов – сохранить то, что было зафиксировано ранее, чтобы и последующие поколения смогли присоединиться к своим истокам. Соответственно, актуальна задача современных фольклористов – совершить трансфер разнообразных календарно-обрядовых произведений на современные электронные носители информации. Это позволит не только сохранить наше наследие, но и сделать фольклор восточнославянских народов частью современной мировой культуры.

Список литературы:

1. Соколова, В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
2. Ліс, А. Календарна-абрадавая творчасць беларусаў: Сістэма жанраў. Эстэтычны аспект / А. Ліс. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 188 с.
3. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / Собр. и прив. в порядок П. Шейном. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1887. – Т. 1. – Ч. 1. – Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и в песнях. – 585 с.

Людмила Измаилова

ПОСТИЖЕНИЕ ЦИКЛИЧНОСТИ ВРЕМЕНИ В «КАЛЕНДАРНЫХ СЮЖЕТАХ» ИЗОИСКУССТВА

Lyudmila Izmailova

IMPROVEMENT OF CYCLE OF TIME IN «CALENDAR PLOTS» OF ART

Художественное исследование темы «человек в природном окружении» – неиссякаемый источник образов и сюжетов искусства разных видов и жанров. Для её освоения нами избран ракурс «времени года», структурирующий и разумно ограничивающий этот огромный мир. Круговорот природы – свидетельство изменчивости мира и в то же время его неизменности и стабильности. Цикличность времени как основы миропорядка нашла отражение в памятниках культуры народов всех континентов: в календарных циклах песен и танцев, в изобразительном и прикладном искусстве. Об этом свидетельствуют многочисленные образцы художественной словесности: сказки, мифы, легенды, былины, стихи. Тема бытия природы широко разработана и в профессиональном художественном творчестве.

Постижение цикличности времени начинается с «календарных сюжетов» изобразительного искусства, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники: античные мозаики, фрески и гравюры Средневековья, иллюстрации к Псалтири и календарям, работы выдающихся живописцев Возрождения. Многочисленные образы и темы дают представление о годовом круговороте природы, опосредственной связи человека и окружающего мира, наконец, о расширении сферы выразительности искусства.

Календарные мифы свидетельствуют о формировании важнейших для человеческого сознания процессов структурирования хаоса и построения модели временных циклов. Наиболее ранние из дошедших до нас изображений времен года относятся к эпохе античности: они персонифицированы в виде фигур женщин или крылатых гениев, снабженных соответствующими атрибутами. В позднеантичную эпоху получили распространение также художественные аллегории месяцев. В Государственном Эрмитаже хранится фрагмент одного из самых ранних подобных циклов – римская мозаика «Июнь» (начало III в.), изображающая мальчика, окруженного дарами июня – плодами земли и воды. Аллегории месяцев воплощались и в образах людей, занятых соответствующим каждому сезонотрудом (рельефы римской триумфальной арки в Реймсе, III век н. э.).

Рисунок 1 – Мозаика «Июнь» (III в., фрагмент)

Рисунок 2 – «Заготовка сена» из «Псалтири Латтрелла» (ок. 1330–1340)

Рисунок 3 – Фрески замка Кастелло-дель-Буонконсильо (ок. 1400)

Античная традиция изображения времен года продолжила свою историю. Средневековому человеку были известны две концепции времени, противостоящие друг другу, как два феномена разных социальных систем, – это «время Бога и природы» (храм) и

«время торговли и производства» (ратуша). В Западной Европе точность измерения временных интервалов была невозможна, поскольку длина часа не имела постоянной величины: она варьировалась в зависимости от продолжительности светового дня в разное время года [5, с. 56]. Христианство предложило свой взгляд на восприятие таких циклов. Как замечал историк искусства Эмиль Маль, «клирик... видел, что каждый месяц соответствует определенному событию земной жизни Иисуса Христа или одного из великих святых». Мистик «размышлял о том, что год, состоящий из 4 сезонов и 12 месяцев, есть образ Христа, чьи члены суть четыре евангелиста и двенадцать апостолов»[4]. Но такое понимание было доступно лишь узкой прослойке образованных людей.

Для простого человека, в первую очередь крестьянина, основой бытия был труд на земле, «на которые он был обречен вплоть до самой смерти». Ж. ле Гофф писал: «Средневековое время было прежде всего временем аграрным. Лучше всего выражает аграрный характер времени в Средние века повторяющаяся повсюду – в рельефах церковных тимпанов, на фресках и миниатюрах, в литературе и особенно в поэзии, – тема двенадцати месяцев» [3]. Она же, в виде цикла сельскохозяйственных работ, получила широкое распространение в искусстве. Композиционное изображение месяца обычно было представлено человеческой фигурой, занятой каким-либо сезонным делом. Некоторые элементы пейзажного окружения начали появляться в XIV в. («Псалтирь Латтрелла», ок. 1330–1340 гг., Лондон), но образ природы как единого целого сложился только к началу XV в. Luttrell Psalter – одна из самых известных средневековых иллюминированных рукописей, украшенных красочными миниатюрами и орнаментами. Наряду с псалмами в книгу был включен календарь и антифоны для богослужения. Псалтирь, оформленная по заказу сэра Джеффри Латтрелла неизвестным художником, – один из самых богатых источников сведений о повседневной жизни в средневековой Англии. Иллюстрации необычны для своего времени тем, что показывают труд крестьян. В житейских подробностях здесь изображены сезонные работы – пахота, сев, жатва, заготовка сена, молотба.

Открытие реального мира и появление пейзажа, сначала в сюжетной картине, а затем и как самостоятельного жанра, – одно из завоеваний эпохи Возрождения. Новое отношение к природе представлено на фресках, созданных неизвестным мастером ок. 1400 г. в замке Каstellодель Буонконсильо в Тренто. На них, как и раньше, изображены сезонные занятия крестьян и господ, но теперь они «вписаны» в подробно разработанный пейзаж. Мастер передал изменчивость ландшафта в зависимости от времени года; он впервые в западном искусстве изобразил снежный покров в «Январе». В одежде узнается мода того времени. Реалистичны виды деятельности (сенокос, сбор винограда), игры, турниры, прогулки и охота.

Следующим этапом в развитии темы «времени года» стали миниатюры братьев Лимбург, созданные для «Великолепного часослова герцога Беррийского» (1413–1416, Шантйи). Этот календарный цикл «имеет определяющее значение в истории пейзажной живописи, поскольку стоит на полпути от символа к реальности» [2]. С помощью «глубинной» композиции, световоздушной перспективы и большей тонкости в передаче атмосферных эффектов братья Лимбург максимально приблизились к изображению реальной среды обитания человека в ее непрерывной изменчивости. Миниатюры календаря передают «специфическое состояние атмосферы, присущее каждому времени суток» [1].

В последующие полтора века появилось много работ, подражавших «Часослову» братьев Лимбург например, художники знаменитого «Бревиария Гримани» (ок. 1510–1520, Венеция). Последователи прежде всего развивали декоративно-повествовательную сторону, почти не продвигаясь вперед в реалистическом отражении мира или в его философском осмыслении. Исключением можно считать миниатюры мастерской Симона Бенинга с тонкой разработкой световоздушной среды.

Рисунок 4 – Братья Лимбург Календарь «Великолепного часослова герцога Беррийского» (1413–1416)

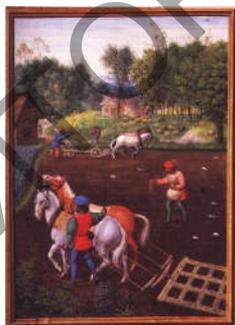

Рисунок 5 – Симон Бенинг (1483–1561) «Сентябрь»

Рисунок 6 – Питер Брейгель Старший «Жатва» (август-сентябрь) из серии «Времена года» (1565)

Для творчества итальянского художника XVI в. Дж. Арчимбольдо характерно стремление к гармонизации различных явлений – стихий природы, основных чувств человека, четырех времени года, что воплотилось в своеобразных портретных сериях. В цикле «Аллегория времен года» (1539) каждый сезон представлен в виде мужского портрета из растений и плодов, соответствующих конкретной ситуации. Авторская концепция и стилистика оригинальны и не характерны для XVI столетия. «Весна» изображает голову мужчины в профиль, составленную из тысяч изображений реально существующих цветов. «Лето» – композиция спелых фруктов и колосьев. Аллегория зимы – это стихия воды, соответственно картина составлена из изображений обитателей подводного мира.

Дальнейшее развитие календарной сюжетности представлено в живописи художников фламандской и немецкой школ. Питер Брейгель Старший в концептуальной серии картин «Времена года» воссоздал грандиозную «мировую панораму» всеобъемлющей и одухотворенной природы в космических по настроению ландшафтах, украшенных яркими бытовыми деталями. Брейгель сумел отразить не только сезонную смену состояний природы, но и непосредственно течение времени, ярче всего выраженное в суточном ритме. Фазы года у Брейгеля сопоставляются с фазами суток; расцвету и увяданию природы соответствует сияние и угасание дня. Подобный взгляд на категорию времени расширил сферу художественного познания.

Стихийная мощь природы определяет деятельность человека. Немецкий историк культуры и философ В. Дильтей писал: «Искусство и литература были первым органом восприятия действительности, которое сложилось до науки. В них развились самопознание, изучение человека, предметное постижение природы» [1].

Список литературы:

1. Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
2. Кларк, К. Пейзаж в искусстве / К. Кларк. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 304 с.

3. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс: Академия, 1992. – 376 с.
 4. Маль, Э. Религиозное искусство XIII века во Франции / Э. Маль. – М. : Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2008. – 552 с.
 5. Ястребицкая, А. Западная Европа XI–XII веков / А. Ястребицкая. – М. : Искусство, 1978. – 176 с.

Вераніка Раманенкава

КАНАНІЧНАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ТРАДЫЦЫЯ Ў РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ БЫТАВОЙ КУЛЬТУРЫ

Veranika Ramanenkava

CANONICAL EASTER TRADITIONAL IN GYMNAS- CATALYAN HOUSEHOLD CULTURE

Пасха, як галоўнае свята рымска-каталіцкай царквы, стала арганічнай часткай бытавой народнай традыцыі, якая па-свойму пераасэнсавала хрысціянскую сімваліку гэтага свята. У бытавым асяроддзі беларускіх католікаў Пасха з'яўляецца найбольш «рэлігійным» святам.

Easter is the most important holiday of the Roman Catholic Church, it has become an integral part of everyday folk tradition, which in its own way rethought the Christian symbolism of the holiday. In a domestic environment the Belarusian Catholic Easter is the most «religious» holiday.

Бытавая традыцыя святкавання Вялікадня ў Беларусі мае цесную сувязь з царкоўнымі традыцыямі велікоднага перыяду. Існуюць і іншыя назвы Вялікадня паводле бытавой традыцыі: «Вялікадне», «Вяліканне», «Вельканец», «Вялікі дзень». У бытавым асяроддзі беларускіх католікаў Вялікдзень з'яўляецца найбольш «рэлігійным» святам, дзе ў меншай ступені праўляюцца нехрысціянскія звычай (іншыя хрысціянскія святы, напрыклад, «Тройца», «Успамін усіх святых») суправаджаюцца вялікай колькасцю забабонаў, магічных варожбаў). У пасхальных святкаваннях у большай ступені пануе пэўная раўнавага паміж царкоўнымі і бытавымі традыцыямі. Царкоўная і бытавая пасхальныя традыцыі маюць агульныя карані святкавання і строгаю паралельнасць абрадаў.

Падрыхтоўка да свята Вялікадня ў бытавым асяроддзі пачынаецца таксама, як і ў літургічным цыкле, з Вялікага посту. Розніца заключаецца толькі ў тым, што, згодна з бытавой традыцыяй, Вялікаму посту папярэднічае масленічны тыдзень, або проста Масленіца, Масленка, Сырная сядміца, Запусты. Масленіца святкуецца за восем тыдняў перад Вялікаднем. У католікаў масленіца пачыналася ў чацвер і заканчвалася ў аўторак наступнага тыдня – Запусты (перад Папальцовай серадай, пачаткам Вялікага посту) [1, с. 100].

Семантычным значэннем былі насычаны паставы святы і іх атрыбутыка. Напрыклад бытавая традыцыя Вербнай нядзелі галоўным чынам факсіруецца на галінцы вярбы – гэта знак перамогі жыцця над смерцю, а таксама сімвал вясны і ўрадлівасці. Ідучы дадому пасля набажэнства, у побыце, прынята было вітаць адзін аднаго асвечанымі галінкамі і прыгаворваць: «Шкыр у лес па вярэс, не я б'ю – вярба б'ець, праз сем дзён Вялікдзень, праз сем нядзель Тройца!». Вярба захоўвалася ў хаце напрацягу ўсяго года. У Папальцовую сераду наступнага года вярбу неслі ў касцёл, каб з яе зрабіць попел, якім падчас набажэнства «Папальцовай серады» пасыпаюць галовы вернікаў. На поўначы Міншчыны – зазначаецца ў кнізе «Традыцыйная мастацкая культура Беларусі» [4, с. 135] – сустракаюцца выпадкі, калі з вербачкай заходзілі на могілкі: «Я іду з царквы з вербачкай і занясу «сваім» свянцоную вербачку». Звычай заносіць вербачку на могілкі пашыраны на поўдні Віцебшчыны.

Апошні тыдзень перад Вялікаднем паводле беларускай бытавой традыцыі мае наступныя назвы: «Страсна-я нядзеля», «Страшна нядзеля», «Вялікая нядзеля», «Пахвальніца», «Красная нядзеля», «Паставая нядзеля», «Белы тыдзень» [1, с. 151].

Вялікі чацвер у бытавым асяроддзі меў назву «Чысты чацвер». У гэты дзень наводзілі парадак ў дамах і падворках, наведвалі лазню. У дзеянні такога кшталту закладвалі ідэі ачышчэння, чысціні душы, чысціні цела і парадку навакольнай прасторы. Бытавы звычай «ачышчэння» чалавека і навакольнага асяроддзя адпавядае царкоўнай традыцыі амывання ног 12 мужчынам святаром падчас набажэнстваў у Вялікі чацвер.

Вялікая пятніца ў бытавой традыцыі беларускіх католікаў лічыцца «пакутным днём». У пятніцу захоўвалі вельмі строгі пост, нічога не елі, толькі пілі ваду. Гэта яшчэ адна яркая паралель з царкоўнай традыцыяй, дзе ў гэты дзень не спажываўся Эўхарыстычны Хлеб.

Велікодная субота непасрэдна прысвячалася прыгатаванню галоўных велікодных атрыбутаў – фарбаванню яек і выпяканню адмысловых пірагоў: «У суботу мама булкі пячэ, а тады ж сітніцу яшчэ пячэ, сітні хлеб такі, кідая кмін туды. А пірагі як пякла, разінак укіне. ...Яечкі красілі». Яйкі фарбавалі пераважна ў чырвоны колер і карысталіся пры гэтым натуральнымі фарбамі (лушпіннем ад цыбулі). Пра фарбаваньне велікодных яйкі расказвалі байкі і казкі. У гэты дзень абавязковай падзеяй было наведванне храма і начнога набажэнства, дзе асвятлялі стравы на велікодны стол. Пасля начнога набажэнства сем'і збіраліся за святочным сталом. Такая трапеза, за якой збіраецца ўся сям'я, на думку А. Байбурына, уяўляецца «ідэальнай мадэллю жыцця ў яго найбольш сутнасных праяўленнях» [2, с. 128].

Вітаць адзін аднаго ў пасхальны перыяд прынята словамі: «Хрыстос уваскрэс / Сапраўды ўваскрэс», *Chrystus zmartwychwstał / Prawdziwie wstał*, Хрыстос Воскресе / Воистину воскрес; Хрыстос воскрес / Воистину воскрес, Хрыстус Змартвых встал / Правдзіва встал. Моўная розніца пасхальных прывітанняў заснавана на трох напаяўняючых агульнабеларускай святочнай пасхальнасці – цеснае сутыкненне, царкоўнай рымска-каталіцкай, праваслаўнай і бытавой традыцыі.

Вялікдзень як адно са святаў, блізкіх да кропак сонцавароту, заканамерна ўключае шэраг вераванняў, звязаных з «іграй» сонца: «Глядзелі, як сонца йграе – гэта красіва. Спачатку сонца большое, потым яно разлятаецца на некалькі часцей, часці зялёныя, розавыя, жоўтыя, так мінут пяць». З'яўленне сонца на чыстым небе і яго «ігра», паводле народных уяўленняў, прадказвалі добры ўраджай, новыя вяселлі. Тое, што Сонцу і Свету ўдзялялася важнае значэнне ў бытавым асяроддзі, яшчэ раз паказвае на паралельнасць з літургічнай абраднасцю: літургія Агню, Свечка – знак непагаснага свету. Непасрэдна само свята Вялікдзень католікі святкуюць цэлы тыдзень, на працягу якога ў храмах адпраўляюцца святочныя богаслужэнні (храм – цэнтральнае месца святкавання Пасхі). Велікодныя святкаванні суправаджаюцца адпаведнымі спевамі.

Важным момантам у велікодныя дні было наведваць дамы з рытуальным абыходам двароў з песнямі і пажаданнямі. Святочны абход двароў у пасхальны перыяд называўся «хаджэнне валачобнікаў», «валачобніцтва», «валачобны абрад». Па словах беларускага даследчыка А. Ліса, валачобныя песні адносяцца да «вяршыні беларускай мастацка-паэтычнай культуры». У іх «слова дасягае незвычайнай выяўленчай выразнасці, мастацкай прадуктыўнасці. Тое, што беларускія валачобныя песні амаль не маюць у культурах суседніх народаў аналагаў, павышае цікавасць да іх у агульнакультурным інтэрнацыянальным маштабе» [3, с. 4–5]. Велікодная спеўная бытавая (фальклорная) спадчына беларусаў мае шчыльны кантакт са святамі літургічнага царкоўнага каляндара, якую фалькларысты не вылучаюць у асобную жанравую групу, а адносяць да веснавых песень і абрадаў. У сілу таго, што ідэалагічныя погляды пачатку і